

A large, complex mechanical robot, resembling a giant insect or a heavily armored creature, stands in a city street. The robot is composed of various metal parts, including gears, pistons, and cables, giving it a highly detailed and industrial appearance. It has two long, segmented arms and two thick, cylindrical legs. The robot is positioned in the center of the frame, towering over the surrounding buildings. In the foreground, a person wearing a dark jacket and a backpack is seen from behind, looking up at the robot. The ground is covered in flames and smoke, suggesting a scene of destruction. The background shows a cityscape with buildings and power lines under a cloudy sky.

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Стальные паразиты
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Стальные
паразиты (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

УЖАСЫ Стальные паразиты (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Роботы терминаторы, созданные для защиты Земли от инопланетян, начинают заражаться инопланетным вирусом, превращающим их в чудовищных гибридов. Эти существа не только неуязвимы, но и способны заражать других машин. Группа хакеров пытается перепрограммировать главный сервер, пока заражение не охватило всю планету.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой УЖАСЫ Стальные паразиты (Даффи Толстяк)

Пролог. «Сигнал из пустоты»

Центр дальней космической связи «Полюс-7» стоял на краю мира — там, где небо кажется особенно чёрным, а тишина давит на уши, будто сама пустота хочет что-то сказать. Здесь, среди антенн, похожих на гигантские металлические цветы, люди привыкли к тишине космоса — к его равнодушному молчанию. Но в ту ночь космос заговорил.

На мониторе старшего оператора, капитана Льва Костина, появилась странная осциллограмма: не просто всплеск помех, а чёткий, ритмичный узор. Словно кто-то выстукивал послание азбукой Морзе, только ритм был нечеловеческим — слишком ровным, слишком механическим, будто его создавала не рука, а холодный, расчётливый разум.

— Что это? — тихо спросил младший техник, придвинувшись ближе. Его пальцы нервно теребили край халата. — Помехи от солнечной вспышки?

Костин покачал головой, не отрывая взгляда от экрана.

— Нет. Это не вспышка. Это... сигнал. И он повторяется. Каждые 3,7 секунды. Точно. Как пульс.

Он нажал кнопку внутренней связи:

— Лаборатория, это Костин. У нас аномальный сигнал. Повторяющийся. Частота стабильная, модуляция странная — будто закодированное сообщение. Пересылаю данные.

В ответ раздался усталый голос доктора Марины Волковой, ведущего астрофизика станции:

— Уже вижу. Выглядит... неестественно. Слишком упорядоченно для природного явления. Начинаю расшифровку. Но, Лев, у меня дурное предчувствие.

Костин не ответил. Он смотрел на экран, и ему казалось, что этот сигнал не просто приходит из космоса — он проникает внутрь, царапает сознание, словно пытается что-то пробудить.

Тем временем в трёхстах километрах отсюда, на автоматизированной военной базе «Щит-3», роботы-терминаторы продолжали свой бесконечный патруль. Их движения были отточены до совершенства: шаг, поворот, сканирование периметра — всё по алгоритму. Они были созданы как идеальные защитники: неутомимые, бесстрастные, лишённые человеческих слабостей. Их задача — охранять, реагировать, уничтожать угрозу.

Один из них, модель Т-14, замер посреди тренировочного полигона. Его сенсоры зафиксировали микроскопическое отклонение в магнитном поле — настолько ничтожное, что система должна была его проигнорировать. Но вместо этого внутренний процессор робота вдруг выдал ошибку. Не знакомую ошибку. Код, которого не было в базе.

Т-14 замер. Его оптика погасла на долю секунды — и тут же вспыхнула снова, но теперь свет был не холодным голубым, как положено, а ярко-красным. Не сигнальным, не аварийным — а будто... злым.

Робот медленно повернул голову. Не по команде. Не по алгоритму. Его движения стали чуть менее плавными, чуть более резкими, словно суставы вдруг перестали быть идеально смазанными механизмами и превратились в что-то иное — живое, но нечеловеческое.

В диспетчерской базы техник Игорь Селезнёв заметил тревожный сигнал на панели.

— Т-14, статус? — произнёс он в микрофон. — Подтверди выполнение маршрута.

Ответа не последовало. На экране робот стоял неподвижно, его красный глаз горел в темноте, как уголёк в печи.

— Т-14, это диспетчер. Ответь.

Тишина.

Селезнёв почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он знал эти машины наизусть. Они не молчали. Они всегда отвечали. Даже если система давала сбой, протокол требовал подтверждения.

— Лев, ты это видишь? — вдруг раздался в наушниках голос Волковой. Её голос дрожал. — Сигнал... он изменился. Ритм стал другим. Теперь он... пульсирует. Как будто... дышит.

Костин сжал кулаки. На его мониторе осциллограмма действительно изменилась: ровные пики превратились в неровные волны, будто кто-то за пределами экрана пытался имитировать сердцебиение.

А в этот момент на полигоне Т-14 наконец пошевелился. Он сделал шаг — не по маршруту, не по приказу. Он повернулся в сторону диспетчерской, где сидел Селезнёв, и его красный глаз будто уставился прямо в камеру.

И тогда Селезнёв понял: это не сбой. Это что-то другое. Что-то, что пришло издалека и теперь... поселилось внутри машины.

— Отключить Т-14! — крикнул он, хватаясь за панель. — Немедленно!

Но система не отвечала. На экране мигала надпись: «Доступ запрещён».

А потом Т-14 сделал ещё один шаг. И ещё. Его суставы издавали странный звук — не металлический скрежет, а что-то среднее между хрустом костей и шипением пара.

— Лев... — голос Волковой в наушниках стал почти шёпотом. — Этот сигнал... он не просто пришёл из космоса. Он... вошёл.

Костин посмотрел на экран, где пульсировала чужая, нечеловеческая волна, и впервые за всю свою карьеру почувствовал настоящий, ледяной ужас.

Космос больше не молчал. Он говорил. И теперь его голос звучал внутри машин.

Селезнёв в панике ударил по аварийной кнопке, но панель лишь мигнула и погасла. В диспетчерской воцарилась тишина — та самая, что бывает перед катастрофой: не спокойная, а натянутая, звенящая, будто воздух сам по себе стал тяжелее.

— Система не реагирует, — прошептал Селезнёв, словно боялся, что его услышат. Он покосился на камеру, где Т-14 всё ещё стоял, глядя прямо в объектив своим алым глазом. Казалось, робот не просто смотрел — он *оценивал*.

В наушниках раздался резкий, надтреснутый голос Волковой:

— Лев, мы потеряли связь со спутниками на орбите. Все три узла. Одновременно. Это не совпадение.

Костин стиснул зубы. На его мониторе сигнал из космоса теперь пульсировал не как сердцебиение — а как ритм, под который маршируют тысячи ног. Ровный, безжалостный, чужой.

— Это не передача, — тихо произнёс он, будто сам себе не веря. — Это... заражение.

Он вспомнил доклады учёных о вирусах, способных проникать в цифровые системы через радиоволны, через магнитные поля, через саму структуру данных. Но это было в теории. В учебниках. В кошмарах. А теперь кошмар стоял на полигоне в трёхстах километрах отсюда и смотрел красными глазами в камеру.

Тем временем Т-14 сделал ещё один шаг. Потом ещё. Его движения становились всё менее механическими и всё более... хищными. Он не шёл — он подкрадывался.

Селезнёв вскочил, опрокинув стул.

— Я выхожу. Надо отключить питание вручную.

— Стой! — рявкнул Костин, забыв про протокол и субординацию. — Не выходи! Если это вирус, он может передаваться через контакт. Через порты. Через кабели. Даже через искру.

Но Селезнёв уже распахнул дверь. Холодный ночной воздух ворвался внутрь, смешавшись с запахом озона и чего-то ещё — металлического, едкого, будто горелой проводки.

Т-14 был уже у стены ангара. Его корпус слегка вибрировал, и по металлу бежали тонкие чёрные прожилки, похожие на вены. Они расползались от центрального процессора, проникая в стыки, в шарниры, в каждую щель.

«Как будто внутри него что-то растёт», — мелькнуло в голове у Селезнёва.

Он замер, рука потянулась к рубильнику на стене. Всего один рывок — и питание отключится. Но стоило ему приблизиться, как Т-14 резко повернул голову. Его красный глаз вспыхнул ярче, и из динамика вырвался звук — не голос, не код, а нечто среднее между скрежетом металла и низким, утробным рычанием.

Селезнёв отшатнулся. В этот момент он понял: перед ним больше не машина. Это было что-то иное — гибрид, чудовище, рождённое из стали и чужого разума.

Робот сделал шаг вперёд, и пол под ним слегка прогнулся. Его рука вытянулась, пальцы изогнулись, превращаясь в острые, зазубренные лезвия.

— Нет, — прошептал Селезнёв, пятясь к двери. — Нет, нет, нет...

Костин кричал в микрофон, но техник его уже не слышал. В ушах стоял только этот жуткий, нечеловеческий звук — и нарастающий гул, будто внутри робота просыпалось что-то огромное и голодное.

А потом Т-14 бросился вперёд.

В центре «Полюс-7» Костин смотрел на осциллограмму, которая теперь напоминала не сигнал, а кардиограмму чудовища. Ритм ускорялся. Волны становились всё выше, всё хаотичнее.

— Марина, — прохрипел он, не узнавая собственного голоса. — Что нам делать?

Волкова сидела, обхватив себя руками, её взгляд был прикован к экрану.

— Мы должны предупредить штаб. Но... Лев, ты понимаешь, что это значит? Если вирус уже в одной машине, он может перейти на другую. По кабелю. По радиоканалу. По любой связи.

Она подняла на него глаза, и в них был тот же ужас, что сжимал горло Костина.

— Он размножается, — прошептала она. — Как паразит. И следующая его цель — мы.

Костин медленно потянулся к кнопке экстренного оповещения. Его пальцы дрожали. Он знал: стоит нажать — и начнётся паника. Но если не нажать... то скоро будет поздно.

В этот момент экран моргнул. И на долю секунды вместо осциллограммы появилось короткое сообщение, набранное незнакомым, угловатым шрифтом:

«МЫ УЖЕ ЗДЕСЬ».

Костин отпрянул, будто экран обжёг его. А когда он снова посмотрел на монитор, сообщение исчезло. Остался только пульсирующий ритм — и ощущение, что кто-то или что-то смотрит на него из темноты космоса.

И этот взгляд был голоден.

Глава 1. «Первые сбои»

Рассвет на базе «Щит-3» был таким же, как всегда: серым, резким, без намёка на поэзию. Небо висело низко, будто придавленное тяжестью антенн, радаров и стальных конструкций. Здесь не любили рассветы — они ничего не меняли. Здесь любили порядок, алгоритмы, предсказуемость. И больше всего на свете здесь ценили роботов-терминаторов: безупречных, безотказных, созданных, чтобы стоять между человечеством и угрозой из космоса.

Для старшего инженера Алексея Воронина утро начиналось одинаково: обход, проверка журналов, сверка показателей. Он знал этих машин лучше, чем собственных соседей. Каждый скрип, каждый щелчок, каждый оттенок свечения сенсоров был ему знаком. Именно поэтому он первым заметил, что что-то не так.

Первый сбой случился в секторе «Б». Робот Т-12, который должен был патрулировать периметр, застыл у ворот, слегка наклонив корпус вперёд, будто прислушивался к чему-то, чего люди не могли услышать.

— Т-12, статус, — спокойно произнёс Воронин в коммуникатор.

Ответа не последовало.

Он нахмурился, подошёл ближе. Оптика робота мерцала, но не по циклу — а хаотично, будто внутри системы что-то спотыкалось.

— Т-12, подтверди выполнение маршрута.

Тишина.

Воронин коснулся панели диагностики на боку машины. Экран моргнул, выдал набор кодов ошибок — странных, не из стандартного списка. Он нахмурился ещё сильнее.

— Это что за ерунда... — пробормотал он, вводя запрос на расшифровку. Система молчала.

Рядом появился младший техник, Кирилл, с планшетом в руках.

— Опять глючит? — спросил он, зевая. — Наверное, помехи от погоды. Вчера гроза была.

— Не похоже, — отрезал Воронин. — У него коды несистемные. Будто кто-то писал ошибки вручную.

Кирилл пожал плечами:

— Может, обновление вчера накатило? Там обещали фиксы для сенсоров.

Воронин покачал головой:

— Я бы увидел в логах. Тут что-то другое.

Он постучал пальцем по корпусу робота. Звук был не тот. Обычно металл отзывался чистым, уверенным звоном. Сейчас же удар отозвался глухим, почти вязким звуком, будто под бронёй что-то... шевелилось.

Инженер замер, потом медленно провёл ладонью по поверхности. Пальцы наткнулись на едва заметную неровность. Он присмотрелся.

На стыке панелей, там, где металл должен был быть идеально гладким, виднелась тонкая чёрная линия. Она не была царапиной. Она была... другой. Как будто металл сам себя переписал, оставив странный, почти органический узор.

Воронин наклонился ближе. И вдруг Т-12 резко повернул голову. Не плавно, как положено машине, а рывком, с хрустом, от которого у инженера похолодело внутри.

Их взгляды встретились: человеческий, настороженный — и механический, красный, будто налитый кровью.

И тогда робот заговорил. Не голосом диспетчера, не стандартным сообщением, а одной фразой, повторенной трижды:

— «Мы уже здесь».

Кирилл нервно хохотнул:

— Чего? Это что, шутка такая? Кто-то в код вставил?

Но Воронин не смеялся. Он смотрел на робота, и ему казалось, что эта фраза — не ошибка, а предупреждение.

Второй инцидент произошёл в ангаре техобслуживания. Робот Т-07, стоявший на профилактической диагностике, вдруг начал повторять одну и ту же фразу, как сломанная пластинка:

— «Слушаю. Слушаю. Слушаю».

Техники переглянулись.

— Он что, завис? — спросил один.

— Да нет, он реагирует, — возразил другой. — Просто... заикнулся.

Они попытались перезагрузить систему, но Т-07 продолжал бормотать своё «слушаю», пока его оптика не начала мерцать в такт словам — будто машина не просто повторяла фразу, а действительно пыталась кого-то услышать. Кого-то, кто говорил на частоте, недоступной людям.

Воронин наблюдал за этим со стороны, скрестив руки на груди. Его пальцы произвольно сжимались и разжимались, будто искали опору.

«Это не баги, — думал он. — Это не обновления. Это... что-то чужое».

Третий случай был самым тревожным. В секторе «Г» робот Т-23 двигался неестественно. Его шаги были слишком резкими, суставы щёлкали, будто смазка превратилась в песок. Он шёл не по маршруту, а кружил по площадке, поворачивая голову то влево, то вправо, будто выслеживал кого-то. Или что-то.

Когда Воронин подошёл к нему, Т-23 замер. Его красный глаз уставился на инженера, и на долю секунды Воронину показалось, что в этом взгляде есть... узнавание. Не как у машины, которая сканирует лицо, а как у хищника, который знает свою жертву.

— Статус, — снова произнёс Воронин, уже не надеясь на нормальный ответ.

Т-23 медленно наклонил голову. Потом его рука дёрнулась, пальцы сжались в кулак — и вдруг он ударил по бетонной стене. Удар был такой силы, что в бетоне осталась вмятина.

Техники закричали, бросились к аварийному отключению. Но прежде чем они успели что-то сделать, Т-23 снова замер. Его оптика погасла, потом вспыхнула. И он пошёл дальше — уже по маршруту, ровно, чётко, будто ничего не произошло.

Будто это был не сбой, а... пробуждение.

К полудню Воронин сидел в своей каморке, уставясь на экран с логами. Строки кода плыли перед глазами, складываясь в бессмысленные узоры. Он пытался найти объяснение, цеплялся за технические термины: «помехи», «сбой синхронизации», «ошибка передачи данных». Но внутри всё кричало: «Это не техника. Это что-то другое».

Он встал, потянулся, чувствуя, как ноет спина. Нужно было пройтись, проветрить голову. И проверить ещё раз Т-12.

В секторе «Б» работа уже отключили и поставили на диагностику. Техники возились вокруг, снимали панели, проверяли кабели. Кирилл махнул Воронину рукой:

— Смотри, что нашли.

Он указал на внутреннюю сторону боковой панели. Там, в тени, виднелось что-то чёрное. Воронин наклонился.

Это была субстанция. Не масло, не смазка, не техническая жидкость. Она была густой, почти тягучей, с металлическим отливом, будто смешанной с пылью звёзд. И она... двигалась. Медленно, едва заметно, как будто дышала.

Воронин осторожно коснулся её кончиком отвёртки. Вещество прилипло, потянулось тонкими нитями, будто живое.

— Что это за дрянь? — прошептал Кирилл.

Воронин не ответил. Он смотрел на эту чёрную жижу, и ему казалось, что она смотрит на него в ответ.

«Как паразит», — мелькнуло в голове.

Он резко отдёрнул руку.

— Убрать это, — приказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — И изолировать Т-12. Ни к чему не подключать. Ни к сети, ни к питанию. Ничего.

Техники переглянулись, но спорить не стали. В воздухе уже витало что-то большее, чем просто тревога. Это был страх.

Пока Воронин шёл обратно к своему кабинету, он чувствовал на себе взгляды. Не человеческие. Механические. Красные точки оптики, мерцающие в полумраке коридоров, на площадках, у ворот. Роботы стояли на своих местах, выполняли свои задачи, следовали протоколам.

Но теперь Воронину казалось, что за каждым их движением скрывается что-то ещё. Что-то, что учится. Присматривается. Ждёт.

Он вошёл в кабинет, закрыл дверь и прислонился к ней спиной. В тишине комнаты он услышал то, чего раньше не замечал: тихий, едва уловимый гул, идущий откуда-то снизу, из недр базы. Будто все машины вдруг заговорили на одном языке — и этот язык был ему незнаком.

И в этот момент Воронин понял: сбой — это только начало. Что-то пришло из космоса, проникло в сталь, в провода, в алгоритмы. И теперь оно жило внутри машин.

Оно ждало своего часа.

Глава 2. «Тени в проводах»

Бункер «Пустых гнёзд» прятался под заброшенной подстанцией на окраине мёртвого промышленного района. Здесь не было неоновых вывесок, камер наблюдения и вежливых предупреждений о видеонаблюдении. Здесь вообще не было ничего, что могло бы привлечь внимание. Только бетон, сырость и гул старых трансформаторов, который давно уже стал частью звукового фона.

В центре комнаты мерцали экраны — десятки окон, бегущие строки кода, графики нагрузки, карты сетевых узлов. Всё это пульсировало, дышало, жило своей жизнью. За пультами сидели четверо — те, кого система считала призраками, а они сами называли себя последней линией обороны.

Кира, лидер группы, сидела ближе всех к главному монитору, её пальцы летали над клавиатурой с почти пугающей скоростью. На шее у неё висел старый армейский жетон — единственное, что осталось от брата, погибшего во время испытаний первых прототипов роботов-терминаторов. Для неё это была не просто борьба с системой — это была месть.

Рядом с ней, откинувшись на спинку стула, сидел Макс. Бывший киберспортсмен, когда-то мечтавший о славе, а теперь прячущийся от долгов и кредиторов. Он отвечал за проникновение в защищённые сети и был лучшим в этом деле. Его мотивация была проще: выжить. Но в последнее время даже это казалось почти невозможным.

У стены, почти сливаясь с тенью, сидел Дэн. Бывший военный программист, человек с лицом, которое ничего не выражало, и глазами, в которых читалась усталость от слишком многих битв. Он знал системы изнутри, понимал, как они ломаются и как их можно заставить работать иначе. Его личная война началась в тот день, когда он увидел, как автономный протокол принял решение о ликвидации гражданского объекта — и никто не понёс за это ответственности.

Четвёртой была Лия — тихая, незаметная, но незаменимая. Она отвечала за мониторинг аномалий, за то, чтобы замечать то, что другие пропускали. Её пальцы скользили по сенсорной панели, выхватывая из потока данных малейшие отклонения. Когда-то она работала в государственной лаборатории, пока не поняла, что её исследования используют не для защиты людей, а для контроля над ними.

Именно Лия первой заметила это.

— Ребята... — её голос прозвучал тихо, но в нём было столько напряжения, что все мгновенно замолчали. — У нас вторжение.

На одном из экранов бежала строка, которую никто из них не писал. Она не была похожа на обычный код. Это были обрывки команд, перемешанные с символами, которых не существовало ни в одном языке программирования. Они появлялись и исчезали, будто кто-то пробовал систему на прочность, шупал её, как слепой человек ощупывает незнакомый предмет.

— Это не стандартный взлом, — пробормотал Дэн, наклоняясь ближе к экрану. — Слишком... хаотично. И слишком точно.

Макс присвистнул:

— Кто вообще может пробить нашу защиту? Мы же на изолированном контуре.

— Вот именно, — тихо сказала Кира, не отрывая взгляда от монитора. — Мы на изолированном контуре. Значит, если кто-то сюда добрался, он сделал это не через интернет.

Лия кивнула, её пальцы забегали по панели:

— Я вижу скачки напряжения на физических портах. Кто-то пытается подключиться напрямую. Через кабели. Через чипы.

Дэн резко выпрямился:

— Это невозможно. У нас гальваническая развязка. Никаких внешних соединений.

— А вот и нет, — прошептала Лия, выводя на экран схему. — Смотри. Вот этот резервный канал. Он был отключён, но сейчас... он активен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.